

Олег ТАБАКОВ: «Я НЕ ХОЧУ УСТАВАТЬ»

Он начинал с розовских мальчиков. Он был у истоков «Современника» и долгое время появлялся на репетициях с желтым директорским портфелем. Ближе к сорока пяти мы помним его то Ильей Ильичом Обломовым, то папашей Бачеем, то голубым воршишкой Альхеном. Десять лет назад он открыл на улице Чапыгина в Москве свою студию. И так, кто же он: актер, режиссер, педагог?

Об этом наш разговор с народным артистом СССР, лауреатом Государственной премии СССР Олегом Павловичем ТАБАКОВИМ

— Академик Аксель Берг как-то сказал, что человек в течение жизни должен пройти по крайней мере три дела. Это не значит — начинать новую жизнь с понедельника. В избранном вами роде деятельности надо узнать все, выработаться на сто процентов и упереться в потолок. Добиться такого состояния, когда для вас уже нет ничего интересного. И если вы окажетесь достаточно сильными, то вы способны броситься в другую область и попробовать с элементарных азисов.

— Это, наверное, конкретно и четко сформулированный ответ на главный вопрос беседы. А если немного поглубже, что было в самом начале?

— А в самом начале было желание стать актером. Я приехал в Москву в 1953 году стойким провинциальным конформистом. Количество табу, которыми я руководствовался, было огромно. Но на желании играть в театре никакие табу не сказывались. Провинциальный мальчик имел наглость полатать документы сразу и в школу-студию МХАТа, и в ГИТИС. В конце концов я выбрал учебное заведение МХАТа и навеки за это остался благодарен судьбе.

Мхатовская школа всегда заражала неслыханной работоспособностью, страстностью, что в общем-то всегда обязательно для актера, и, пожалуй, самое главное, умением спланировать, работать в коллективе. Я расскажу вам, как мы делали на втором курсе спектакль по пьесе тогда еще молодого Виктора Розова «Вечно живые». Ставил спектакль старшекурсник Олег Ефремов, а среди актеров были и мои товарищи — Майя Менглет, Валентин Гафт, Игорь Кваша. Обычно вспоминают: вот они какие молодцы, релетировали по ночам, обсуждая сцены. Все правильно, но ведь релетировали в маленьких «кафешках» все вместе, и вместе отстаивали, спорили, дрались за

право делать спектакль на втором курсе только собственными руками.

Актер без театрального коллектива — ничто. В кино, там другое дело, там один на один с камерой, а зритель где-то далеко, за тридевять земель. В театре же, последнем царстве романтики, где по углам сцены слабо светится паутинка, творческий эгоизм мертв и бесплоден. Счастье, если актер поймет это сразу.

— Вы вспомнили о кино. В 1963 году в газете «Советская Россия» была опубликована ваша статья, которая призывала молодых актеров отказываться от плохих киносценариев. Прошло двадцать лет. Изменилось ли ваше мнение?

— Нет. Я по-прежнему считаю, что участие в плохих фильмах губит начинающих актеров. Человек словно засыпает, застывает на образах-штампах. Чем больше спишь, тем больше хочется. Точнее, актеру уже не хочется мыслить, вживаться в роль. И как следствие — средних, банальных фильмов у нас слишком много.

Начинающему актеру надо строго соблюдать ритм в беге за славой. Поехавший — людей насмешить, превратившись в нечто безликое, на которое

зрители делают «Фи!». А затормозишь — можно со спокойной совестью искать другую работу. Со славой хорошо бы идти в ногу.

— Ну, у вас-то лично с этим все в порядке...

— Вы знаете, мне кажется, что я человек легкомысленный, и постараюсь ответить на этот вопрос легкомысленно. Мне повезло. Никакой крайности, определенного героя или стиля за мной не укрепились. Табаков может быть и хорошим, и плохим, и воршишкой, и светским львом, и даже глупцом-королем. Только раз в жизни почувствовал укorenившуюся популярность телесериала. Торопился на заседание, позавтракать не успел, заскочил по пути во фрукто-вую лавку. Продавщица ахнула: «Шелленберг!» — и взвесила десяток самых зрелых бананов.

— Вы доцент ГИТИСа, и в отличие от многих своих коллег-педагогов, организовали театр-студию. Причем...

— Вы хотите сказать, что Табаков десять лет назад набрал не взрослых студентов театрального института, а маленьких мальчиков и девочек из Дома пионеров. Но почему это неожиданно? Дети — глина, из которой можно слепать все, что угодно. Я лепил из них профессионалов, но столько же важным было вырастить людей интеллигентных, наделенных культурой души, умеющих понимать окружающих.

Профессионализм без интеллигентности или, наоборот, интеллигентность без профессионализма — абсурд. Это вещи, сочетание которых установлено самой природой.

Те мальчики и девочки были целым этапом в моей жизни, подготовившим попытку создать «театр двадцатилетних». Театр, где молодые играют для молодых. Я отчетливо помню конец пятидесятых годов, возникновение «Современника» и могу с полной уверенностью сказать: сегодня идет примерно та же волна. Театр в поисках какого-то витка, очередного поворота развития. Творческий век любого театра — 15–20 лет. И де подобрались ли к грани наши ведущие театры?

Так или иначе, «театр двадцатилетних» — один из вариантов решения. Зрители собираются в подвальчике, тридцать-сорок человек без разделения на престижный партер и дешевую галерею, и актеры рядом: протяни руку — дотронешься. Ощущение стереоскопического кино. Но сильнее всего действует то, что актеры — почти сверстники сидящих в зале. Они работают в спектакле не хуже, чем актеры больших и извест-

ных театров, они выкладываются, они не перевоплощаются в героев, они становятся ими, и это впечатляет. Пьеса английского писателя Барри Киффа «Прищучил», которую мы показываем, очень популярна среди московской молодежи, а ведь играют пока никому не известные ребята: Сережа Газаров, Саша Марин, Андрей Смоляков.

— Но в последнем вашем наборе взрослые студенты?

— 28 человек — полужаочный, полувечерний курс, который я высмотрел и защитил на вступительных экзаменах. Работа рассчитана на несколько лет. Будет пройден окончательный этап студийной подготовки. Этап превращения заготовок и импровизационных способностей в настоящее актерство.

— А чем был занят актер и режиссер Табаков сам по себе?

— Я бы выделил две вещи. Мне повезло сыграть в фильме украинского режиссера Романа Балаяна «Полеты во сне и наяву». Я не люблю говорить о фильмах, в которых снимался, но это действительно явление в нашем кинематографе. Жесткая, серьезная, простая картина с замечательными актерами Олегом Янковским и Людмилой Гурченко. Я очень советую молодым читателям посмотреть ее.

Затем вместе с Авангардом Леонтьевым и Андреем Дразниным мы поставили в Венгрии спектакль «Полоумный Журден» по пьесе М. Булгакова. Поставили за восемнадцать дней, что, вообще, считается довольно коротким сроком.

И совсем недавнее событие. Скоро в МХАТе состоится премьера спектакля «Амадеус», рассказывающего о жизни великого австрийского композитора Вольфганга Амадея Моцарта. Я в нем тоже участвую.

— Ваше желание?

— Сыграть Фамусова, Ричарда III, Сальери. Вы приглядитесь ко мне внимательно. У меня лицо уверенного в себе человека. И я знаю, каков буду в каждой из этих ролей. Хочу укрепить и услужить «театр двадцатилетних», добиться официального признания не просто студии, а именно театра.

И очень хочу не уставать. Мне оорк семь лет, я испытал и душевный воздух чердака, и вольный свежий ветер. Я, кажется, сейчас пробил потолок и нередко мной широчайшая дорога, полная планов, надежд, замыслов. Я не хочу, не имею права уставать.

В. ЧУРСАНОВА,
наш шт. корр.
Фото Д. Губина.